

СОВРЕМЕННЫЕ МУСУЛЬМАНКИ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ЭМАНСИПАЦИЯ?

© 2018 С. ПРОЖОГИНА

Статья посвящена мусульманкам стран Магриба, чья судьба освещена в художественных произведениях магрибинских писательниц о трудностях социального и психологического самоопределения женщин в условиях выбора между диктатом религиозной традиции (ислама) и модернизацией. Рассмотрены проблемы брака и устойчивых семейных отношений как преобладающей ориентации на традиционные опоры жизни современной мусульманки.

Ключевые слова: Магриб, свидетельства писательниц, повести о жизни, диктат традиции, вызовы модернизации

LES FEMMES MUSULMANES D'AUJOURD'HUI FACE AU CHOIX: TRADITION OU MODERNISATION?

Svetlana V. PROZHOGINA, Dr.Sc. (Philology), Chief Research Fellow, Department of Comparative Culturology, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (svetlana.prozogina@mail.ru)

L'intensité des processus migratoires (seulement en Europe 1 million d'immigrés chaque année), loin de resoudre les différences des sociétés polyéthniques et polyculturelles, mène, au contraire, à la déstabilisation des minorités ethniques au cours de la politique d'intégration des immigrés, et, par suite, à la radicalisation de leur identification nationale dans les sociétés d'accueil.

Le processus de la formation des «ghettos ethniques» - surtout ceux des nord-africains - dans les grandes villes de la France obstatue la possibilité d'une leur occidentalisation complète, ou d'une leur assimilation culturelle, ce que complique considérablement la condition sociale et psychologique des immigrés. D'un côté c'est l'envie, surtout chez les femmes musulmanes, d'être «comme toutes les autres», mais de l'autre côté c'est l'envie de conserver les traditions des leurs parents et d'être, à la fois, soit «l'une», soit «l'autre».

Il y a aussi, naturellement, le but de s'intégrer complètement dans la civilisation européenne (ou être «complètement occidentalisées» comme certaines leurs compatriotes dans leur pays d'origine), qui reflète une tendance entre les femmes mariées à garder la possibilité de l'enseignement et de l'ouverture sociale.

Le plus souvent le choix aboutit au compromis d'appartenir à deux cultures - celle orientale et celle occidentale - si les familles n'y s'opposent pas, dès qu'un choix pareil comporte aussi un compromis assez ambigu entre deux confessions.

Un un clefs propos: Maghreb les temoignages des femmes-ecrivains, les défis de la modernisation, les seductions de la tradition

Встреча с миром женщин Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) - это и сегодня, скорее, визуальное удивление. Остался и белый хаик - длинное шелковое покрывало, скрывающее лицо и фигуру, наброшенное на платье, либо расшитый кафтан по праздникам, или просто европейское одеяние. Это зависит от страны. В Марокко - меньше, в Тунисе - больше, в Алжире - чаще только в городах... Хотя и в горных районах теперь многое изменилось. Одни - более сдержанные в общении, по-французски не говорят, другие, наоборот, охотно разговаривают, и о своих сокровенных делах тоже.

Другое дело - женщины-интеллигентки (интеллектуалки, как их здесь называют на французский манер). Учительницы в школах, преподавательницы в вузах и техникумах, сотрудницы современных предприятий, дикторы, дизайнеры, адвокаты, врачи, профессий множество, - никакие не запрещены. Они практически все двуязычны, хотя арабский - основной в семье и на работе, но на интервью идут охотно, от европейек мало чем отличаются, разве что этнически выраженными признаками, говоря свободно и охотно и о том,

что пережили, прежде чем достигли «своего уровня», и какие трудности в семьях своих преодолели, и как нелегка жизнь «эмансипированной женщины», да ещё если она не замужем. Свобода мышления и коммуникация не всегда совмещаются с замужеством, если к тому же муж придерживается старых правил...

МИР ВНЕШНИЙ И МИР ВНУТРЕННИЙ

Ну, а если вам встретится женщина-писатель, или вы уже прочли ее книги, то она вам откроет целый мир *невидимого*, неразличимого в общем поверхностном взгляде, мир неведомого, особенного - тот внутренний мир сокровенных забот, желаний, мечтаний, сожалений, любви, - всего того, что не увидишь, не различишь, не услышишь даже в откровенной случайной беседе, интервью или переписке... Мир, открываемый женщинами-писательницами, а теперь их очень много в Магрибе, - это совсем другой мир, отличный от мира, встающего со страниц книг писателей мужчин - слепка эпохи, образа окружающего мира, исполненно-го глобальных проблем и забот. Дыхание времени

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна, доктор филологических наук, гл.н.с. Института востоковедения РАН. РФ, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12 (svetlana.prozogina@mail.ru)

- и в книгах женщин. Но это «дыхание» более интимное, более «камерное», более исполненное забот и сомнений повседневных, бытовых, супружеских, или психологически связанных с самоопределением, с необходимостью обретения личного места в окружающей жизни, где много больших и малых огорчений, разочарований, утрат иллюзий...

Эмансипация женщин Востока - дело, конечно, огромного масштаба, но, получив образование, расширив горизонты знания и социального зренья, она не лишила мир женщин, встающий со страниц их книг (или данных вам интервью), пронзительности взгляда, умения найти в «закоулках» повседневности и забот бытия то, что не всегда подвластно мужскому взгляду. Словом, «гендерный акцент» - неперемненное условие характеристики мира, воссозданного женщиной, будь она художник, писатель, поэт. Это условие априорное, и его не сотрешь ни при каких манипуляциях с «повсеместным» *стиранием различий* и глобализацией... Наоборот, расширившееся знание мира, осознание современной эпохи, миграции, жизнь в эмиграции (даже не постоянной) дали женщине возможность сравнения, сопоставления, обострили ту часть их художественного сознания, которая связана с пониманием *различий*.

«Зеркалом, стоящим у дороги жизни» (Стендаль), литература была всегда и везде, но для стран Магриба это особо важно, ибо оно, это «зеркало», не только отражает жизнь Алжира, Марокко и Туниса, но сейчас во многом и Франции, учитывая количество магрибинцев-иммигрантов из второго и уже третьего поколения тех, кто уехал в лихие годы на Запад после обретения независимости их родиной. Но проблема самоидентификации возникла в литературе магрибинок не только в эмиграции, на стыке Востока и Запада, когда приходится делать решительный выбор «С кем я?», «Кто я?», «Куда идти дальше?», когда сомнения самовыражения приобретают властный призыв - и зов семьи, и восточной традиции жизни, и непосредственное присутствие Запада, а гораздо раньше, когда приходилось задумываться и выбирать между свободой и зависимостью. Причем свободой личной, свободой собственного «я» от диктата традиции, от власти и Востока, и Запада.

Женская эмансипация раньше всего проявилась в Тунисе. Хабиб Бургиба уже в 1956 г. сразу после установления в стране независимости узаконил женское образование, женское движение, позволив женщинам учиться в вузах, работать, жить самостоятельно. Уже в 1960-е гг. женщины во многих случаях становились главой семьи, принося доход, заработок, порой имея возможность найти работу быстрее и удачнее, чем муж. Они были полноправными членами семьи мужа, и никто не мог упрекнуть их в том, какое платье они носят или как причесываются. Мать мужа ос-

тавалась по традиции хозяйкой дома, но невестка была свободной от гнета старых традиций (выходить без сопровождения мужчины на улицу, уходить с подругами, сидеть в кафе, посещать салоны красоты и пр. ...).

В Марокко король Мухаммед V уже позволил женщинам ходить в школу, посещать высшие учебные заведения. Но если речь шла о женщине незамужней, либо избравшей сознательно холостяцкий образ жизни, то можно сказать, что выбор, основанный на такого рода свободе, всегда был в литературе особо отмечен поисками своего «я», самоутверждением, самовыражением как существа «абсолютно свободного», не боящегося цепей общественной морали и укоров старейшин.

В Алжире в это время еще шла война за независимость. Уже в середине 1950-х гг., на пороге независимости, здесь появляются книги, где такого рода личности считают именно женскую свободу основой той великой Свободы, которую отвоевывала страна у колонизаторов. Романы Ассии Джебар «Жажда», «Дети Нового мира», или роман Джемили Дебеш «Азиза» [1] написаны так, как будто их писали «девушки с Запада» (недаром А.Джебар назвала алжирской Франсуазой Сеган!) - столь смелы были рассказы о своих чувствах, о потребности *воли*, о том, что женщина больше не желает знать, что она, согласно Священной книге - Корану, «ниже по своему достоинству», чем мужчина. Это уже взгляд не со стороны, а с подлинным знанием мельчайших деталей традиций, обрекавших женщину на жизнь только в наглухо закрытых стенах дома и в тисках патриархальной семьи и ее нравов. Эта жизнь больше уже не могла быть идеалом ни любви, ни замужества...

В Марокко такие голоса оформились позднее, здесь было царство писателей-мужчин - Дрис Шрайби, Тахар Бенджеллун и др., которые описали женский удел мусульманки со страстью опровержения всех догм и всех видов социального насилия и угнетения [2]. Поэтому женская душа раскрывалась под пером величайших художников, но это были совсем другие оттенки и краски, чем в книгах женщин-писательниц, уже работавших в литературе Магриба. Поэтому, если говорить о том, что без женщин невозможен путь к прогрессу и независимости, путь к желанной свободе от уз колониализма, то можно сказать, что голос Ассии Джебар был не только *жаждой свободы* молодой девушки, но голосом самой жизни, вызывающей к полноте счастья. Без преувеличения, - маленький роман А.Джебар (впоследствии члена Французской Академии изящных искусств) стал выражением самой «Жажды» жизни огромной части алжирского народа.

От векового рабства освобождалась не только женская душа, мечтавшая о любви, о счастье жить без домашнего рабства, слепого послушания, оков религиозных догм, запретов, извечного «стыда», который должна была терпеть женщина-мусуль-

манка. Героиня Джебар мечтала *о воле*, как о глотке свежей воды, о той воле, когда человек сам вправе распоряжаться своей душой, своим сердцем, своим телом, жить в «полете Мечты и предчувствии Счастья». Это, в общем, первая женская книга от первого лица с первым нарушением «запрета» рассказать о том, как хочет женщина быть счастливой... Роман Джебар - скорее, о будущем, а не о прошлом мире, если, конечно, это будущее не будет разбито в прах утратой иллюзий. Порой свобода и воля для женщины со временем может оказаться лишь «сладким пленом»...

ПРОБЛЕМЫ ЭМАНСИПАЦИИ

Но горечь утраченных иллюзий, когда женщина имеет, как кажется, всё для счастья и свободна, звучит в книге туниски Хафсии Джелилы «Пепел на заре» [3], где возможность и выбора возлюбленного, и свобода от патриархальной семьи и ее нравов, и свобода смены «партнеров», и муки ревности, и муки счастья не прибавляют героине уверенности в себе. Самостоятельность оказывается иногда тягостной, а любовь «без конца и края» только добавляет неуловимый привкус усталости от самой возможности никем не контролируемого выбора. И безбрежные границы любви утомляют вседоступностью. А потому утренний рассвет не приносит облегчения и счастья, он словно подернут серой пеленой, похожей на пыль пепла на розовом восходе зари...

Так что же и кто же «я»? Кем должна, кем могу быть, каково мое предназначение? Героини магрибинок, «вольные женщины», как бы ставят этот вопрос с самого начала, хотя и не сопрягают его пока с властью общества, с его зависимостью от Запада или независимостью, с его свободой, с его диктатом общественного мнения и новой моралью, которая рождалась в условиях сосуществования разных миров и разных культур. У колониализма были свои цепи, но и свои способы аккультурации, и западный образ женщины потихоньку просачивался в сознание восточной. А это означало, что личное «я» не может жить только на привязи к окостенелым нормам и традициям. Оно еще должно соединиться с чувством личной ответственности за свою жизнь и свое предназначение.

Где-то подспудно, в глубине души, рассвет свободы занимался вместе с туманом романтических иллюзий, которые быстро созрели в эпоху национально-освободительной войны с колониализмом и быстро рассеивались в постколониальное время. Писатели-мужчины вообще вплоть до конца 1980-х - начала 1990-х гг. (особенно в Алжире и Марокко) будут настаивать на том, что ничего не изменилось в существовании женщин, что это все тот же «траур собак» [4] и все то же «отвержение» несчастных существ, не имеющих права на личный выбор [5]... У них, мужчин, был

«взгляд со стороны», хотя и не совсем, однако реально задевающий основы общества, где независимость и свобода не принесли радикальных изменений в общественный строй и общественные отношения, основанные на шариате - мусульманском праве [6].

...Вопрос о «самоопределении» и самоидентификации женщины-мусульманки вставал еще в 1940-е гг., в эпоху колониализма. Даже у принявших католичество алжирок - к примеру, Маргариты Таос Амруш, известной писательницы и деятельницы культуры. В ее раннем произведении «Черный яхонт» [7], написанном еще в 1947 г., появляется этот акцент *самоутверждения*, пусть в рамках той среды, где разность ее с другими видели только по оттенку кожи. Культура была уже общая, да и конфессия тоже, но оставалась дистанция *различия*, отличия девочки-берберки, обучавшейся в католической миссии. Вся семья ее и ее горная местность была уже во власти «белых отцов» - католиков-монахов, прививших местным детям с раннего возраста французскую культуру. Но «Черный яхонт» оставался заметным этнически, и девочка чувствовала, что она - «не своя», «другая», и ей не хватало опоры, которая вскоре станет ее способом самоутверждения в мире. Она понесет свою родную культуру на Запад, станет известной берберской певицей и танцовщицей, будет пленять мир *своими* национальными сокровищами - голосом, костюмом, текстом песен, жестом, танцем... Заодно и продолжит писать по-французски, уже на склоне лет напишет роман «Воображаемый возлюбленный» [8], где отразит блуждания своей души и полет сердечных фантазий... Да и в «Улице тамбуринов» [9] - защита не только своих традиций, но и девические мечты о женском счастье, о свободе, о счастье «жить по-своему»... В «Воображаемом возлюбленном» - скорее, уже европейский взгляд на то, как должна жить «свободная женщина», не знающая, что такое религиозный запрет, старые догмы и патриархальные нравы семьи, требующей от *дочери* полного послушания.

За М.Т.Амруш последовала Джюра (псевдоним кабилской певицы), которая тоже пленяла воображение парижан экзотическими танцами и песнями горных берберов. Ей свобода и известность достались тяжелой ценой. Ее старший брат, противившийся ее браку с французом, решил убить ее прилюдно, вспоров ей живот на восьмом месяце беременности. Женщину и ребенка удалось спасти, брат был осужден, а Джюра осталась верна своим принципам жизни, сочетая «свое» и «чужое» в гармонии любви и счастья. И в книге своей «Сезон нарциссов» [10], уже вышедшей после трагедии, она защищала свое право быть и «той», и «другой», право на надежду...

Однако о кровавом следе этой судьбы будут помнить долго, он напоминал не только ужасной расправой, но и судилищем над человеком, кото-

рый защищал «свое право» на убийство. Поэтому в вышедшей уже позднее книге Суад Бельхадда «Между двух «я»» [11] желание быть и «той», и «другой», и североафриканкой, и европейкой, жить, где нравится и не чувствовать себя «ущемленной» ни на Востоке, ни на Западе, несмотря на весь молодой задор и уверенность, что «старые традиции» можно легко преодолеть, их не замечая, вызывала сомнение в сиявшем оптимизме молодой женщины.

И хотя «смешанные браки» продолжают множиться, это не значит, что этноконфессиональные противоречия преодолены, и в восточных, и в западных семьях не ослабевают принципы, защищающие вековые традиции в поведении дочери или сына, в воспитании детей, должных знать, **кто** они, и **откуда** родом. Вседозволенность, надо сказать, во Франции, среди молодежи все чаще «обрывается» в этнических гетто, которых становится в стране, особенно в больших городах, все больше, и «целостность» нравов этих самовозникающих компактных поселений мусульман, оберегается не только традициями жизни, но и присутствием мечетей, где юноши учатся жить по законам шариата и девушкам не дозволяется выходить замуж «за иностранца»... Хотя именно «смешанные браки» - немалое основание для проверки успехов политики интеграции эмигрантов, серьезный аргумент в пользу возможности сосуществования и скрещения разных миров на одной земле...

Но даже в случаях удачных остается какой-то след, «зазубринка», «укол в глаз» - на эти пары смотрят, их пристально разглядывают, делают вид, что не замечают, и это *различение* остается надолго, продолжая сохраняться в жизни метисов, - плодов любви этих смешанных пар... В детских садах, в начальных школах особенно. Романтический порыв героини А.Джебар когда-то безраздельно отстаивал только свою свободу, не замечал «другого». Теперь все чаще именно «свое» и «чужое» отмечается в человеке, а разделение на эти категории (не просто «тот» и «другой», но именно «свой» и «чужой») заметно раскалывает общество, где полиэтнизм уже очевиден...

Почитайте книги Сорейи Нини, Тассадит Имаш, Лейли Себбар и мн. др. магрибинских писательниц-иммигранток во Франции, и вы поймете всю боль души тех, кто пытался устоять на перекрестке миров, думая, что выбирает свободу. Причем, следует заметить, что мужчины на этом «перекрестке» - не более стойки, они страдают не меньше от расистских оскорблений, женившись на мусульманке, или наоборот, когда француженка выбирает себе в мужа мусульманина. «Вдова и повешенный» Лейлы Себбар - яркое свидетельство такой истории [12], когда мужчина не выдержал «французского контекста» и свел счеты с жизнью.

Поэтому ни дилемма, характерная для героинь книг магрибинок (мне все равно, кто я, - или «та»,

или «другая»), или утверждение, что мне все равно, кто я, - я и «та», и «другая», не являются признаками завершающегося процесса самоидентификации. Это явления мультикультурной эпохи, когда выбор своей культурной идентичности не прост, а если связан с конфессией, то и ответственен.

Осадок (или остаток?) ощущения различия культурного, цивилизационного, этноконфессионального, остается с основным векторным изменением. Путь ли только на Запад или только на Восток, путь ли туда и обратно с вбиранием в себя черт и восточной, и западной женщины для магрибинок - западных арабов, живущих на южной границе Средиземноморья в непосредственной близости к Европе, - этот путь определен извечно. И они всегда будут чувствовать и знать, что их удел - быть и «той», и «другой» в какой-то мере. Даже отважная алжирка Малика Мокеддем, врач по профессии, избавившись от гнета типичной патриархальной семьи, где за каждым ее шагом следили братья по велению отца, уехав во Францию, став *писательницей*, когда пишет свои повести и романы, в своих исповедях не может абсолютно точно «пришвартоваться» ни к одному из берегов. На «восточном» - власть Традиции, погубившей и ее мать, но этот берег связан с детством, юностью, с воспоминаниями о первой любви. На «западном» - власть чужой морали, чужие нравы, хотя и в ореоле свободы действий и выбора. И в названии ее романа «N'Zid», в переводе на французский означающее «Я возвращаюсь», - постоянство движения, скитания в поисках, где бросить якорь... Они не заканчиваются ничем, но героиня романа, так и не выбрав берега, слышит постоянно далекий напев флейты пастушка, которого в юности любила слушать, предаваясь мечтам о счастье...

Свобода достается трудным путем. Якорь, если он брошен все-таки женщиной, то в глубину неимоверную и потому оказывается прочной основой спокойствия ее души и тела, уравновешенности между свершившимся супружеством, выбором Дома, и терпеливым ожиданием восторгов идеальной любви и счастья. И тогда неважно, кто ты, - «та» или «другая», главное - бросить якорь, обрести покой, пристать к берегу...

УРОКИ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ

Возможно, надо искать компромисс. Приспосабливаться, принаравливаясь, сглаживая углы непонимания, недовольства. Претерпевать раздражения чуждостью, серостью, а не яркостью платья матери... Вообще, как быть с выживанием даже там, где окружает тебя, в твоей стране, не чужой, а там, где ты родилась, диктат мусульманской общины, который не всегда, да просто никогда, не может совместить твои порывы уже получившей образование женщины с тем, что ждет в

глухих стенах традиционного дома на родине? В пространстве современного социума ты - дизайнер, журналистка, врач, адвокат, учитель и пр., а в доме мужа - послушная рабыня его матери...

Стоит ли удивляться реакции марокканки Малики Уфкир, написавшей две книги («Чужестранка» и «Узница») [13] после выхода на волю с каторги, где она провела 18 лет со своей семьей (отец был казнен, обвиненный в заговоре против короля), и отвергшей общество, в котором предстояло жить заново? Когда-то она училась в престижном лицее вместе с дочерью короля, когда-то читала множество книг, свет которых помог выжить ее семье. Малика пересказывала их содержание, словно Шахерезада, тянув время, чтобы люди, слушавшие ее, жили дальше... Но когда случился подготовленный, наконец, побег, и все оказалось на родной земле, на свободе, Малика поняла, что она, уже почти сорокалетняя женщина, - здесь - чужая. То, что открылось взору, не радовало. Прогресса она не увидела, а рутину старого пережить не смогла. Свобода женщины здесь была иллюзорной. И она выбрала Запад. Но и там все оказалось не так радужно, как ей мерещилось по ночам. Запад был падок на сенсации, но дружелюбие было показное, личная жизнь не складывалась, и что оставалось? Двигаться дальше, лететь в Америку, оттуда снова во Францию, но только не возвращаться туда, где современный мир жидется на законе одряхлевших традиций...

Документальное повествование М.Уфкир - это боль самовыражения человека, испытывавшего не только почти двадцатилетний ужас тюрьмы, но и нежелание мириться с «чудесами» прошедшего времени, которое принесло женщине не столько освобождение от мрака невежества, сколько, в конечном счете, *необходимость смирения с законом шариата*.

И в этом плане образованные магрибинки, сравнивая себя с европейскими женщинами, не просто не хотят им «уподобляться», но считают себя «лучше», ибо живут жизнью праведной, упорядоченной, несуетной, воспитывают детей по морали, завещанной предками, не позволяя торжествовать закону «публичной жизни». Это - со слов матерей семейств, из книг женщин-магрибинок, которые о свойствах души женской знают не хуже, чем их великие соотечественники - Дрис Шрайби или Тахар Бенджеллун, или Рашид Буджедра, или Рабах Беламри. Но и в книгах современных магрибинок есть описания о дремучих обычаях Востока, о жутких женских традициях, следуя которым разрешено умертвить женщину, если ее обвинят в «прелюбодеянии» [14]... (Закидать камнями до смерти - даже сегодня [15]...)

Поэтому Малику Уфкир обвинять в «чужестранстве» не приходится, она просто делает свой выбор, обрекая себя на поиски лучшего мира. Ей еще повезло - немногие забыли, кем был ее отец, высший офицерский чин, генерал Уфкир, позво-

ливший себе бунт против монархии... Поиски воли стали предназначением дочери. Жизнь на каторге, во мраке подземелья, картину которой запечатлела бывшая лицеистка, ученица французской школы, - не столько даже ужас пережитого, сколько метафора настоящего, где под ярким солнцем современности и технического прогресса в стране, в глубинке, еще царят мрачные нравы, и только побег в поисках воли избавляет от кошмарных видений...

Было бы неправдой сказать, что эта интонация - доминирующая, есть в книгах современных марокканок и рассказы веселые, и ироничные, и полные даже незлобной сатиры на запечатлеваемые нравы и обычаи, царящие в традиционных семьях.

...Но есть нечто особенное в современных повестях и романах о женской душе, написанных женщинами, если отвлечься от горечи жизни, описанной порой безжалостно и жестоко. О чем бы ни писали сегодняшние магрибинки (марокканки особенно, и я имею в виду книги Фатумы Джера-ри Бенаденби, Марии Гессус, Ясины Шамы, Криссултаны Риве и мн. др.), есть в их повествованиях одна константная или глубинная мелодия, имеющая точный вектор. Женщина, кто бы она ни была, каким бы ни было ее образование, уровень жизни, какое бы ни было ее отношение к старым традициям, властвующим в современном обществе, словно *успокаивается*, обретая якорь *семейной жизни* (и тут уже не важно - был муж желанным избранником или приведен в дом его родней для образования пары и по договору с родителями де-вушки).

Это успокоение - как обретенное равновесие, как найденная гавань, пусть даже в ней бушует часто непогода. И здесь самое время вспомнить книги, написанные уже на склоне лет тунисской учительницей Магерцией Амирой Бурназ («Тунис 20-х гг.»; «Тунис 30-х гг.») [16], о которых много писала критика в 1980-е - 1990-е гг., ибо никто до нее не запечатлел так детально колониальную и предвоенную эпоху, никто так ярко не сумел показать причины устойчивости довольно архаичного уклада жизни в традиционных семьях, как это сделала, вспоминая молодость, трудную повседневность будней и радость праздников, М.Бурназ.

Везде царила мать, а потом и ее старшая дочь, героиня повествования. Отец как бы уходил на второй план, хотя все в доме знали, что Он и есть тот центр, вокруг которого все и вращается. Он был и хозяином своего дела (продавцом тканей), и работал с клиентами, и ходил на рынок, а женщины занимались хозяйством, готовили, мыли, шили, поддерживали связи со всеми жителями многонационального квартала тунисской столицы, которые любили эту гостеприимную, услужливую, всегда умеющую найти подход к другим людям семью, в которую приходили и за советами, и за помощью.

Обретенный в Доме мир, покой и порядок держались до самой Второй мировой войны. Пока не потребовались эвакуация и прочие испытания, которые могли бы и разрушить другие семьи, но эту - нет. Здесь воплотилось в жизнь твердое правило. *Вокруг матери и отца собиралась семья, которая поддерживала всеми силами традиционный порядок вещей.* Не было разлада, все воспринимали окружающий мир, как складывались обстоятельства. Главное - было довольство и спокойствие матери и уверенность отца. Иллюзий какого-то особенного счастья жизни никто не питал. Дети учились, потом преподавали сами (ковроткачество и рисунок), организовывали досуг, и это все, особенно во время войны (она началась в стране уже в конце 1930-х гг.), из последних сил и сбережений. И переживали все тяготы перемещений, бомбардировок, держались все вместе. Надежда была только на одно - **всё вернется...** Всё будет, как прежде.

ДОМ И СЕМЬЯ КАК ЯКОРЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Этот лейтмотив книги М.А.Бурназ не избывает. Знаешь, что автору - 80, что жизнь - другая, что всё изменилось, но она уверена, что всё лучшее продолжается... И просто вливает эту веру в своих читателей. И мотив этот не менее настойчиво пробиивается из книги в книгу у молодых тунисок [17], и они, особенно в годы полного краха надежд на «жасминовую революцию» в начале 2000-х гг., словно уверены, что всё «солнечное», всё «радостное» можно вернуть, даже убедить в этом стариков, вернуть им радость жизни и надежды на мир и покой в доме, у себя в стране, на своей земле [18]...

Молодые марокканки, пусть даже не восхищенные обретенным покоем души и равновесием, пусть даже не нашедшие искомого признания «на службе», не могут не удовлетвориться после случившегося замужества наступившим покоем и порядком. Даже если приходится эмигрировать или оплакивать разбитые мечты о совершенном возлюбленном. Семья не то чтобы успокаивает, но восстанавливает изломанность души, неуверенность в себе, в своих силах и возможностях... Этот мотив звучит громко, хотя может сложиться представление о женской доле магрибинок и по книгам их соотечественников-мужчин, которые беспощадны в зарисовках старого мира, держащего в оковах темных предрассудков новый, рвущийся вперед...

Пока еще трудно сравнить кого-нибудь в Марокко с Дрисом Шрайби, нарисовавшим на века портрет марокканской Матери, ее шаги и в бездну новой цивилизации, и в пропасть черной рутины жизни под властью Патриарха-мужа [19]. Пока еще трудно найти что-то равноценное книгам гонимого лауреата Тахара Бенджеллуна, написавшего свои романы о женской участи как реке надежд на исход из мрака обычаев и суеверий...

Пока еще нет художника, запечатлевшего женскую долю в оковах религиозных догм так, как это сделал А.Серхан [5]. И у алжирцев, и у тунисцев есть свои мастера, и вряд ли кто может сравниться с Р.Буджедрой, навсегда оставившим след в литературе Магриба описанием существующего в исламе обряда «отвержения» женщины (или образа «отвергнутой» матери), как это сделал его соотечественник Рабах Белламри [21].

Их книги - настоящие эпопеи, которые и в постколониальную эпоху, и в настоящее время отражают внутренние противоречия общества, когда возникают в этих райских уголках земли братоубийственные войны. Но в то же время из этих книг молодые писательницы черпают свое вдохновение. Как женщины, как матери, как милосердные сестры они не могут устоять перед надеждой, что новая эпоха, встреча с новым миром, с его цивилизацией покончит со страданиями и жестокостями [22].

И неслучайно именно Тахар Бенджеллун, написавший столько жестоких повествований о судьбе мусульманки, вдруг создал книгу, хотя и назвав ее «Виноград каторги», о женщине, которая преодолевает всё, даже чужбину, даже крушение своего дома, но идет вперед, смотрит на будущее радостно открытыми глазами, в которые брызнули, наконец, пусть в самом конце романа, рассветные лучи яркого солнца... [23].

И неслучайно, что в самых горьких романах Дриса Шрайби именно женщина, пусть даже «чужестранка», становится тихой гаванью, смиряющей с гнетом чужбины его героя, почти потерявшего связи с жизнью [24].

Видя в женщине *свою опору*, связывая с ней свои мечты о прекрасном, зная немало о страданиях мусульманок, матерей, которых можно «просто так» выкинуть из дома, трижды произнеся сакральную формулу развода, и взяв себе новую жену, мужчины, магрибинцы-писатели с глубоким состраданием и нежностью относятся к своим героиням. Но вот так, как это сделал Р.Буджедра, написав роман «Похороны» [25], в стране, где творился шабаш исламского интегризма, где шла гражданская война, превратив Алжир в кровавую бойню с Фронтом исламского спасения, пока не сделал никто. Бесстрашие и бескорыстие женщин, их абсолютная преданность идеалам счастья, которое обязательно должно восторжествовать после чудовищной войны, возможно и вдохновило Буджедру на создание образа своей новой героини. Бойцом с ордой интегризма героиня Буджедры, образованная, красивая женщина, становится не столько по выбору сердца (она не лишена ни страхов, ни сомнений), сколько зная, что зная этой борьбы не выпадет из ее рук. Так воспитала мать, и так будет продолжать вести свой бой дочь, не знающая усталости, не спящая, но зато с любимым, - человеком, который доверил ей это беспощадное дело.

И писатель, я полагаю, доверил именно женщине эту миссию, восславив их подвиг и в той войне, и в этой, гражданской: не дать угаснуть Жизни. А женщина это чувствует особо: она не только выследит убийцу, не только обнаружит всю его шайку, но еще и вселит надежду в тех, кому угрожали смертью. Она умудрялась сохранять хладнокровие и вылавливала убийцу человеческих надежд, очищая город от давно налипшей грязи гражданских раздоров и резни. Самоидентификация ее проста: быть нужной своему обществу. О семье она думала мало, довольствовалась тем, что любима. Главное - отстоять *свой мир* и отряхнуть серый пепел неудач и разочарований. Ее друг готовил ей этот удел. Он, ее шеф и возлюбленный, знал, что война рано или поздно кончится. Что героизм уже будет не столь востребован. А вот если родятся у них близнецы и *никогда не будут воевать*, то защищать мир от братоубийственной войны и будет делом его и его любимой...

Так сегодня выстраивается галерея женских образов в магрибинской литературе женщин, которые не столько ищут себя, сколько отдают свои силы главному делу - строительству родного Дома, в котором будет царить «порядок вещей»*.

Ну а те магрибинки, которые живут и работают на Западе, там, где традиционные восточные ценности, постепенно деформируясь в окруже-

нии западных, обретая характер либо смешанный (для мусульман), либо, как пишет Лидия Гируз в своей книге «Аллах велик и Республика тоже» [26], консервируясь в этнических поселениях североафриканцев, обретая исламистский патриархальный диктат, эти мусульманки стараются сделать всё, чтобы не дать увянуть росткам эмансипации под натиском интегризма. В совсем недавно вышедшей новой своей повести «Марианна» [27] Лидия Гируз, внучка знаменитого алжирца Жана Амруша, писателя и журналиста, много сделавшего для освобождения своей родины от колониализма, выразила надежду всех магрибинок на сохранение сил в борьбе с натиском политического исламизма, с ущемлением прав мусульманских женщин и их стремлением жить в свободном мире, исполняя свой главный долг - матери, жены, женщины, предназначенной охранять покой и мир своих близких, а также свободу самовыражения...

* * *

Многочисленные примеры из жизни магрибинок - алжирок, марокканок, тунисок - постколониальной эпохи вплоть до наших дней, которые ищут свои жизненные ориентиры между диктатом религиозной традиции и необходимостью существовать в условиях и вызовах нового времени, предлагают многообразные нормы социального поведения. Поиски опоры только в семейных ценностях не совпадают с призыванием современных женщин, но почти всегда становятся востребованными и преобладающими.

* Так называл Рашид Буджедра, следуя древним философам, состояние мира до хаоса, воцарившегося в стране в эпоху гражданской войны в Алжире в 1990-е гг. в своем романе «Le Desordre des choses», 1990.

Список литературы/References

1. Djebbar A. La soif, 1957; Les enfants du nouveau monde, 1958; Djémila Dèbèche. Aziza.
2. Chraïbi D. Le Passé simple, 1954; Les boucs, 1955; La succession ouverte, 1962.
3. Djelila H. Cendre à l'aube, 1975.
4. Serhan A. Le deuil des chiens. 1998.
5. Serhan A. Le soleil des obscurs, 1992.
6. Belamri R. L'asile de pierre, 1992.
7. Amrouche M.T. Jacinthe noire, 1947.
8. Amroiche M.T. L'amant imaginaire, 1975.
9. Amroiche M.T. La rue des tambourins. P., 1956.
10. Djura. La saison des narcisses, 1994.
11. Belhaddad S. Entre deux «je». P., 2001.
12. Sebbar L. La veuve et le pendu. P., 1990.
13. Oufkir M. La prisonnière, 1995; L'Etrangère, 2006.
14. Bahéchar. Ni fleurs, ni couronnes, 2000.
15. Bey M. Au commencement était la mer, 1996.
16. Bournaz M.A. Tunis des années 20; Tunis des années 20, 1993.
17. Nouvelles de Tunisie. P., 2002.
18. Bassalah I. Les fleurs de pois, in Nouvelles de Tunisie. 2012.
19. Driss C. Le passé simple, 1953 и др.
20. Behjelleoun T. L'enfant de sable, 1985.
21. Bellamri R. Les femmes sans visages, 1992.
22. Benabdenbi F.D. Souffle de femme, 1999.
23. Benjelloun T. Les raisins de la galère, 1997.
24. Chraïbi D. Les boucs, 1954.
25. Boudjedra R. Les funérailles, 2003.
26. Guioy L. Allah est grand, et la République aysy. P., 2015.
27. Guioy L. Marianne. P., 2016.